

А.Г. Здравомыслов

**О ПРИНЦИПАХ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ.
Несостоявшееся выступление на Пленарной сессии Всероссийского
социологического конгресса 21 октября 2008 года**

А. Вейхер: Андрей Григорьевич, в Программе сегодняшней сессии было объявлено Ваше выступление, но, судя по времени, оно уже не состоится. Многие его ждали, в том числе и я. Можно поинтересоваться, о чем Вы намеревались сказать?

А. Здравомыслов: Почему не состоялось мое выступление, об этом известно руководителям Сессии. Я не отказывался от слова, просто ведущие сочли возможным меня пропустить, возможно, оберегая мое здоровье или из экономии времени. Я же собирался ответить на вопрос, в чем состоит социологическое мышление. Хорошо известно, что такое экономическое мышление, правовое, административное и иные формы мышления, проникающие во все сферы управления, в том числе и на государственный уровень. Но никто не ставил вопроса, в чем специфика мышления социологического. Каковы его принципы и в чем состоит его культура? В.В. Радаев в своем докладе, позиции которого я разделяю, поставил вопрос об аксиоматике социологии. Этот вопрос возникает в практике преподавания. Что касается социологического мышления, то оно может формироваться не только средствами социологического образования, но и на основе жизненного опыта. В то же время можно получить дипломы, свидетельствующие об окончании социологических учебных заведений, но не обладать социологическим мышлением. Думаю, что принципы такого мышления можно изложить в шести-семи положениях.

А.В.: В последнее время я как раз думаю над этими вопросами. Можно записать Ваши соображения по этому вопросу? В чем состоят эти несколько пунктов?

А.З.: Хорошо, тогда включайте диктофон.

Первое. Прежде всего, нужно понять, что во всех направлениях социологии, как бы они ни отличались друг от друга, есть некоторая общая тема. С одной стороны, эта тема выражается очень простыми словами — человек и общество, общество и человек, их взаимопроникновение друг в друга, не просто отдельно общество и отдельно человек, но общество в восприятии человека и человек в социальном мире.

Эта идея получила сложное теоретическое выражение в такой форме, что предметом социологии является **социальное действие**. Социальное действие — это главная тема социологии. Это означает, что социолог в своем сознании ищет не столько объективные обстоятельства, которые порождают действие, а он ищет прежде всего того, кто это действие производит, и с какими намерениями, целями. Эта формула была вычленена Парсонсом в 1937 году и затем негласно получила общее признание. Часто отождествляют Парсонса со структурно-функциональным анализом, на самом деле его гранд-теория есть именно теория социального действия.

При этом она являлась базой для так называемого **ортодоксального консенсуса** в социологии, который сложился в 60-е годы прошлого века, о котором пишет Гидденс в своей «Структуризации общества». Ортодоксальный консенсус основывался на теории социального действия, которая при широкой трактовке включала в себя и теорию революции, и теорию реформ. Этот консенсус был разрушен в конце 60-х годов в результате студенческих волнений.

Второй момент. Социальное действие разворачивается не только в форме действия субъекта и его оппонента, или участника такого действия. Оно разворачивается на ряде уровней, и социологическое мышление должно схватывать эти уровни, это, в грубом варианте, **микроуровень, мезоуровень и макроуровень**. То, что мы слышали сегодня от Геннадия Васильевича Осипова в достаточно интересной заключительной части его доклада, это была явная макроуровневая концепция. С точки зрения социологического анализа, социологического мышления, эта концепция рассматривает верхний этаж одного общества и государства как субъекта действия. Но дело в том, что всякое общество существует в контексте других обществ, это раз, и, во-вторых, имеются другие уровни разворачивания того же действия (микро- и мезоуровни). Вопрос об уровнях в связи с трансформационными процессами рассматривался в совместном докладе Т.И. Заславской и В.А. Ядова. Эта же мысль была проведена и в выступлении Н.И. Лапина, который абсолютно четко показал, что одна из главных, а может быть, даже главная проблема современного российского общества, — это неравенство экономического и социокультурного развития регионов России.

Третий момент. Если мы принимаем, что социальное действие — это базовая характеристика социологического мышления, то надо понимать, что действие никогда не есть акция одного человека, что бы он сам о себе ни думал, но всякое действие встречает контрдействие, сопротивление со стороны внешней среды, условий жизни, традиций, других интересов. То есть мы должны понимать, что такое направление социологии, как **социология конфликта**, представляет собой не случайное отступление социологической мысли, а это — базисная концепция социологического развития. Она в отчетливой форме прослеживается в истории социологии, начиная от марксизма вплоть до Козера, Дарендорфа и Бурдьё, которые разрабатывают теорию конфликта в социологии, в социальной жизни на громадном историческом материале. То есть эта экспликация идеи противоречия гегелевской диалектики включает в себя социологию конфликта как составляющую часть. К сожалению, даже мой друг Владимир Александрович Ядов, анализируя социологические направления, которые могут быть использованы для России, в своей последней книге обходит тему конфликта! Это абсолютно недопустимо с точки зрения норм социоло-

гического мышления (как я их понимаю). Может быть, это допустимо с точки зрения абстрактной социологии, но если мы приняли постулат социального действия и контрдействия, конфликт обязателен. Это не значит, что социологи призывают к конфликту. Нет, они должны понимать, и они понимают, настоящие социологи, что все отношения в обществе, даже отношения сотрудничества, сдержат в себе потенциальный конфликт, или неразвитый конфликт. Очень часто мы видим примеры, как лучшие друзья или даже родственники становятся смертельными врагами, трудно бывает обратное превращение врагов в друзей, но друзья, союзники по политической борьбе становятся врагами — это общее правило. Причем, расхождения начинаются на основе мельчайших разногласий, которые возрастают как снежный ком и получается взаимоисключение. Социология, понимая этот механизм, вместе с тем разрабатывает методы взаимного предотвращения конфликта, это нужно для стабилизации общества. Надо понимать, что прошлое нельзя постоянно будоражить, нельзя пробуждать демонов, которые возникают из-под земли и разбивают души живых людей.

Четвертый момент. Одна из существенных характеристик современного социологического мышления состоит в ориентации на выявление **непредвиденных последствий целерационального социального действия** (Ф. Энгельс и Р. Мертон). Я предлагаю более сложную конструкцию, направленную на выявление соотношения ожидаемых последствий социального действия и непредвидимых последствий.

Пятый момент. Главная идея социального действия — это **идея восприятия Другого**. Научность социолога состоит в том, что он не может исходить из той идеи, что есть только одна сторона в действии. Его задача состоит в том, чтобы охватить, на кого это направлено, кто этот другой. С одной стороны, есть сам действующий субъект, с другой стороны, есть те силы, союзы, группировки, которые выступают от противоположной стороны. И важно, как подчеркивал Ю.А. Левада в своем творчестве, от фактов перейти к объяснению, от объяснения к пониманию. Это общая установка гуманитарной науки. Кстати говоря, В.И. Жуков говорил о социальных науках, ни словом не упомянув, что есть понятие «гуманитарные дисциплины». Сам докладчик подчеркнул, что тема его доклада была предложена Председателем Программного комитета III Конгресса Российского социологического общества Н.И. Лапиным, но эта тема, на мой взгляд, не получила адекватного отражения в докладе, представленном на сегодняшней Пленарной сессии.

Шестое — это закон, выделенный Смелзером, который назван им **законом добавленной ценности**, «added value». Не прибавочной стоимости (по Марксу), а «добавленной ценности». Ни одна вещь не может быть цельной, если мы видим только ее начало. Для того чтобы построить дом, необходимо заложить фундамент, а затем добавить к этой ценности, стоимости, этажи. Самолет не может лететь без заправки, а заправка в рыночной экономике не может быть произведена без оплаты счетов. Тут мы видим, как происходит социальное действие кризисного порядка, когда сотни людей остаются ночевать в аэропортах.

А.В.: К чему добавляется? К какому социальному действию происходит добавление? Как понимать слова «добавление к действию»?

А.З.: Прежде всего, это относится к целеполаганию действий. Нельзя провозглашать цели, не планируя, не имея средств для их реализации. Надо все тщательно

продумывать. Отказ от этого принципа, несоблюдение его является главным пороком *идеологического* мышления. Политика В.В. Путина строилась, особенно на первых порах, на минимальной декларации целей. За это его подвергали критике, но он молчал и решал очевидные задачи. Это пример социологического мышления. Но чаще наблюдаются противоположные примеры со стороны политиков, стремящихся к идеологическим конструкциям. При этом цели бывают хороши, но смысл и средства их осуществления недостаточно продумываются. Очень хорошие цели провозглашаются. Например, тезис о России как уже сложившейся «гражданской нации» (Первый постулат из доклада М.К. Горшкова, который явно не подкреплён последовавшими девятью постулатами). Может ли существовать «гражданская нация» без укоренной традиции функционирования «гражданского общества»? Это большой вопрос! Как было показано в том же докладе, в России ещё существует нищета и масса других проблем, в том числе идет процесс углубляющейся социальной дифференциации. На мой взгляд, прежде чем провозглашать новую идеологическую установку, следовало бы сделать крупный шаг в выравнивании регионов, чтобы люди не стремились в одну точку — Москву, добиться поворота в том, чтобы специалисты, уехавшие из России, начали возвращаться обратно, вот на основе этого можно будет говорить в полном смысле о *российской* нации. А без этого эта формула мне представляется числом идеологическим изобретением, основанным на интересах некоторых бюрократических структур. Причем, в этом важном вопросе опросы общественного мнения не следует рассматривать в качестве решающих аргументов. Следовало бы помнить, что граждане России только 10 лет назад получили паспорта, в которых не фиксировалась «национальная принадлежность». Устранение 5-го пункта из паспорта было тоже добавленной ценностью к построению гражданской нации. Но вспомните о вкладышах к паспорту, которые стали выдаваться в некоторых республиках, вспомните об оттоке русского населения из всех республик Северного Кавказа. Надо проводить работу, но не только снизу или сверху. И неправильно считать, что все российские реформы проходили только сверху, как В.А. Ядов говорил. Если бы не было давления снизу, то и никаких реформ бы не было.

Наконец, седьмой пункт. Социологическое мышление — это мышление понимания событий, развивающихся в **определённом социокультурном контексте**. Нет таких процессов, в том числе и развития социологии, которые носят надгосударственный, наднациональный характер. Да, межнациональная социология существует, но каждый участник этого процесса является представителем своей нации. Гидденс — англичанин, Парсонс — американец, Маркс — немец, и каждый жил в своей социокультурной ситуации, и то же самое — любой процесс, обязательно нужно соразмерять его с ситуацией, куда она движется.

Наша социология выросла в 60-е годы на волне демократизации. Пришла хрущевская оттепель, далее общество подошло к необходимости реформ, так называемых косыгинских. Кстати, в историческом обзоре, представленном Г.В. Осиповым ни слова не было сказано про участие социологии в конце 60-х — начале 70-х в готовящихся реформах. Но идея реформ потерпела крах, изменился курс политики, пришло другое руководство, которому было далеко чуждо социологическое мышление, знание конкретики самой жизни.

И теперь имеются тревожные симптомы такого же поворота. Когда нам говорят, что надо всю историю России пересмотреть (См. «Вестник российской нации». 2008. № 1), когда главным человеком российской истории объявляется граф Уваров с его фамильным гербом «Православие, Самодержавие, Народность», — человек, заклеенный в сатирической оде А.С. Пушкина «На выздоровление Лукулла» (кстати говоря, одним из предсмертных стихотворений русского гения), то спрашивается, к чему мы идем? К тому, что завтра героем национальной культуры будет объявлен граф А.А. Аракчеев.

А.В.: Андрей Григорьевич, теперь стало более понятным, почему Вы не получили слова!

А.Г.: Нет, я с Вами не согласен. Конечно, я остановился на некоторых острых моментах, о которых следует думать в связи с юбилеем. Но, во-первых, я не один так думаю, и мои взгляды выражены в моей последней книге «Социология: теория, история, практика», вышедшей в издательстве «Наука» (2008), при поддержке ИС РАН, в частности, М.К. Горшкова, которому я искренне благодарен. А кроме того, год назад я перенес инсульт, последствия которого до сих пор сказываются на моей речи.

А.В.: Я настолько был увлечен содержанием нашей беседы, что не заметил последнего обстоятельства. Спасибо большое!

*Программная беседа в кулуарах III Социологического конгресса записана
А.А. Вейхером, зав. кафедрой социологии в петербургском филиале ГУ-ВШЭ
21 октября 2008 г.*